

УДК 630*903

Н.А. Моисеев

Моисеев Николай Александрович родился в 1929 г., окончил в 1954 г. Ленинградскую государственную лесотехническую академию, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик РАСХН, заведующий кафедрой экономики и организации лесного хозяйства и лесной промышленности Московского государственного университета леса. Имеет 400 печатных работ в области лесной экономики, лесоустройства, лесоуправления, государственной лесной политики и лесного законодательства.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕСНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ И ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Изложены основные проблемы лесного сектора экономики и лесного законодательства России, главные направления их решения с учетом реалий и зарубежного опыта.

Ключевые слова: лесной сектор экономики, государственная система управления лесами, Лесной кодекс.

Россия по праву считается самой многолесной державой мира. На ее долю приходится 22,4 % лесного покрова планеты. Земли лесного фонда занимают 1 173 млн га или 69 % территории страны, из них покрыты лесом 776 млн га (45 %). Общий годичный средний прирост древесины составляет около 1 млрд м³ (994 млн м³), однако используется лишь 1/10 часть его. По душевому уровню производства и потребления основных продуктов леса Россия на порядок уступает не только промышленно развитым, но и ряду развивающихся стран. Так, в России потребление бумаги и картона на душу населения составляет 36 кг, тогда как в странах ЕЭС – 240, в Канаде – 280, в США – 328, в Финляндии – 256 кг. Естественно, возникает вопрос о причинах такого отставания и мерах по его ликвидации.

В комплексе причин главной является хроническое отставание глубокой переработки древесного сырья: так, в России из 1 тыс. м³ заготовленной древесины производится 38 т бумаги и картона, в США – 182, в Финляндии – 261 т, т. е. соответственно в 5 и 7 раз больше.

Если же детализировать общее положение лесных дел в стране, то для начала следует отметить пространственное размещение лесов, их ресурсного потенциала и его использования, а также динамику производства по комплексу лесных отраслей, начиная с 1991 года. В табл. 1

показано распределение лесов по федеральным округам и их использование в 1990 и 2005 гг. Для сравнительной характеристики выделены две группы федеральных округов. Первая – в составе Центрального, Южного, Приволжского и Уральского округов – представляет «эпицентр» внутреннего лесопотребления, располагаясь в малолесных и среднелесистых районах европейской части страны с развитым промышленным и аграрным секторами; вторая – в составе Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного – ориентирована в основном на внешних потребителей и располагается в самых многолесных регионах России.

На первую группу округов приходится 15,4 % территории страны, 68,5 % населения, 17,2 % лесопокрытой площади, но 29,9 % годовичного прироста древесины (297 млн м³), 27 % расчетной лесосеки (142 млн м³) и 29 % главного пользования. Ежегодно недоиспользуемый в этой группе регионов средний прирост составляет 265 млн м³, что, согласно данным официальной статистики, больше всего нынешнего объема заготовки в целом по стране. Остальные характеристики относятся к многолесным федеральным округам.

В составе лесной площади выделены относительно продуктивные леса, представляющие интерес для лесозаготовки, в том числе: бездревостоев лиственницы (Лц), расположенных в основном в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, и с продуктивными лесами Лц. Такое выделение оправдано тем, что древостои Лц до сих пор используются весьма слабо и могут стать объектом более интенсивной эксплуатации только в перспективе, когда будет обеспечена транспортная доступность и условия для ее переработки.

На долю продуктивных лесов без Лц приходится 142 млн га, или 18,3 % лесопокрытой площади, а с Лц – 229 млн га, или 29,5 % площади лесов России. Отсюда наглядно видно, что для промышленной эксплуатации сейчас представляют интерес только 1/5 площади лесов и не более 1/3 в перспективе. Разумеется, что и на остальной площади леса имеют важное социальное, природоохранное и культурное значение, не говоря уже о среде обитания и биоразнообразии.

На продуктивной площади лесов без Лц годичный прирост равен примерно 435 млн м³ и с Лц – 696 млн м³, или в 1,5 раза больше. Эти цифры характеризуют ресурсный потенциал лесов для промышленной эксплуатации в настоящее время и на перспективу. Расчетная лесосека как норматив непрерывного неистощительного пользования (ННПЛ) находится между названными выше показателями ресурсного потенциала и равна 526,5 млн м³. В 2005 г. этот норматив использовался лишь на 22 %. За годы перестройки объем главного пользования лесом упал с 303,8 млн м³ в 1990 г. до 115,8 млн м³ в 2005 г., или в 2,6 раза.

О динамике производства лесного сектора экономики можно судить по данным табл. 2. За 1990–2005 гг. вывозка леса сократилась в 3,5 раза, а производство основных видов лесопроductии так и не достигло исходного уровня. Наибольший спад произошел в производстве пиломатериалов

(в 2,8 раза). В целом по всему лесному сектору экономики объем ВВП в 2005 г. составил лишь 52 % от 1990 г. В целом ВВП лесного сектора России равен 15 млрд амер. долл., тогда как в сравнимых по ресурсному потенциалу странах он составляет: в Канаде – 97, в США – 268 млрд долл., или соответственно в 6,5 и в 18,0 раз больше. За последние 15 лет доля России в мировой торговле сократилась с 18 до 2 %, при этом лесоэкспорт носит сырьевой характер и представлен в основном круглым лесом и пиломатериалами. Доля лесного сектора в составе ВВП России равна лишь 1,2 %, тогда как в численности всех работающих – 7,0 %.

Изложенное наглядно показывает, что, обладая громадными лесными ресурсами, мы не достигли надлежащего положения ни на мировом уровне, ни в национальной экономике.

На использование ресурсного потенциала безусловно накладывают отпечаток полярное размещение лесов относительно потребителей основных видов лесопродукции, недостаток транспортной инфраструктуры для освоения этого потенциала и, как наиболее значимый фактор, нехватка производственных мощностей по глубокой переработке древесины. Все это приводит к сугубо экстенсивному использованию лесов, ориентированному в основном на заготовку пиловочника, преимущественно хвойного, как единственно рентабельного ресурса в отсутствие глубокой переработки. При таком характере лесозаготовки названный ресурс уже истощен в транспортно освоенных лесах, что сдерживает наращивание объемов лесозаготовок и лесопиления. Именно по этой причине данные производства все последние годы остаются практически на неизменном, весьма низком уровне и сдерживают развитие производства других видов лесопродукции, сырьем для которых является древесина.

На общем состоянии лесного сектора отразилась и непродуманная приватизация предприятий лесопромышленного комплекса (ЛПК), оказавшихся ныне на 97 % в частной собственности. Она привела к разрыву технологических (между отраслями) и экономических (между поставщиками и потребителями) связей, раздроблению крупных предприятий на мелкие, разобщенные между собою хозяйствующие субъекты, потере значимых рынков в дальнем и ближнем зарубежье. Положение этих субъектов усугубилось непрерывным ростом цен на энергоресурсы и транспортных тарифов, не говоря уже о налоговом прессе, что привело к ликвидации многих хозяйственных субъектов, особенно в отдаленных от внутренних и внешних потребителей районах. В такую «мертвую зону» попали районы «глубинки» на востоке Европейского Севера, в Сибири и на Дальнем Востоке. Когда-нибудь они станут объектом вторичного освоения, поскольку вся их инфраструктура уже потеряна.

За прошедшие годы так и не выявлены эффективные собственники, заинтересованные и способные модернизировать свои производства и тем более создать новые. В течение последних 15 лет не построено ни одного крупного предприятия в целлюлозно-бумажной промышленности (ЦБП), что сдерживает развитие всего лесного сектора экономики. Нескончаемый

передел собственности, превратившийся в «лесные войны», не создает устойчивости для развития.

Основные фонды абсолютного большинства предприятий физически изношены от 60 до 80 % и морально устарели. В особенно критическом состоянии находится лесозаготовительная промышленность, которая в 2005 г. была убыточной в целом. Низка рентабельность и лесопильно-деревообрабатывающей промышленности (ЛПДП): за 2003–2005 гг. от 11 до 14 %. В целом же рентабельность по ЛПК все последние три года держится на уровне 8 %.

Относительно устойчивыми остаются только крупные лесные корпорации в виде вертикально-интегрированных структур (ВИС), представляющих кооперацию предприятий ЦБП, ЛПДП и лесозаготовительной промышленности. Но таких корпораций, сохранившихся от советских времен, немного. В их числе «Илим Палп», «Титан», Сыктывкарский ЛПК, представленные в Архангельской, Иркутской областях, Республике Коми. В абсолютном же большинстве субъектов РФ лесопользователи – это мелкие лесозаготовительные предприятия (до 50 тыс. м³), до 60 % убыточные. Такова же и основная масса арендаторов, которые не способны строить дороги, нести бремя затрат на лесное хозяйство и тем более организовать глубокую переработку.

За последние 15 лет многократно реформировалась и государственная система управления лесами, каждый раз снижая свой статус как полномочный представитель государства. Существовавшее до 1992 г. самостоятельное Министерство лесного хозяйства ныне сведено до Федерального агентства, лишённого по своим полномочиям не только законодательной инициативы и законотворчества, но и в последние два года утратившее даже функцию государственного контроля за лесами и действиями лесопользователей. Надзорная служба, которая должна осуществлять эти функции, так и не сформирована, что привело к беспрецедентному масштабу так называемых нелегальных, а по существу криминальных рубок, по сдержанным оценкам занимающих от 20 до 40 % общего объема оборота древесины, особенно в приграничных районах. Спад лесозаготовок естественно сказался и на объеме лесовосстановления и других лесохозяйственных мероприятий.

Обобщая изложенное, можно заключить, что лесной сектор экономики страны находится в затажном системном кризисе, неконкурентоспособен и не готов к вступлению России в ВТО.

Мерам по выходу из кризиса, подъему и созданию эффективного устойчивого развития лесного сектора посвящены многочисленные международные и всероссийские форумы и конференции. 11-13 сентября 2006 г. в Москве прошел Международный форум «Лес и человек», 11-15 октября в С.-Петербурге – совмещенный Международный форум по лесопромышленному комплексу и Всероссийский съезд лесоводов, центральными задачами которых стала выработка мер по выходу из кризиса, подъему лесной промышленности и лесного хозяйства.

К главным мерам, направленным на дальнейшее развитие лесного сектора, относятся:

- 1) форсирование процесса корпоратизации лесного сектора;
- 2) масштабный и целенаправленный переход к глубокой переработке древесины (не на словах, а на деле);
- 3) активизация роли государственной власти в формировании и координации лесного сектора экономики;
- 4) ликвидация перекосов в развитии и размещении лесного сектора;
- 5) восстановление научного потенциала лесного сектора экономики для организации прорыва в инновационном направлении;
- 6) упорядочение системы государственного управления лесами и его законодательного обеспечения.

Кратко поясним некоторые из выделенных приоритетов.

Корпоратизация лесного сектора экономики – главное направление повышения его конкурентоспособности. До заседания 25 ноября 2005 г. Правительство РФ вообще стояло в стороне от этого генерального направления, да и сейчас еще остается в роли стороннего наблюдателя, не принимая должных мер содействия его развитию. Какие бы кодексы не принимались, абсолютное большинство лесопользователей не соответствует требованиям к примерным арендаторам, руководствующимся лесной сертификацией. Все, чем закончится деятельность разрозненных мелких лесопользователей, это ускоренное и окончательное истощение пиловочного ресурса и закат как лесозаготовительной, так и лесопильно-деревообрабатывающей промышленности в транспортно освоенных лесах.

Поэтому, не дожидаясь такого финала, на государственном уровне следует принять меры по стимулированию кооперации мелкого, среднего и крупного бизнеса, каждый из которых займет свою нишу в соответствующих формах объединений в процессе корпоратизации лесного сектора.

В нынешних условиях устойчивыми остаются названные выше крупные лесные корпорации, представленные лишь в некоторых субъектах РФ. Но и в них производственные мощности недостаточны, чтобы использовать ресурсный потенциал мелкотоварной и низкокачественной древесины, а также отходов, не говоря уже о макулатуре.

Ядром для таких корпораций могут быть только предприятия по глубокой переработке перечисленных видов сырья. Поэтому озвученный Правительством аншлаг о Федеральной целевой программе по глубокой переработке является главным и пока единственным выходом из тупика, в который все больше заходит ЛПК. Но нынешнее мировоззрение руководителей экономического блока в Правительстве не дает предпосылок для составления и реализации полноценной программы. Все, чем ограничивается это руководство, – обещание лишь на субсидии под отдельные виды инфраструктуры и даже не на лесные дороги (как следовало из слов Г. Грефа в г. Сыктывкаре). А это обещание не является и полумерой, оно не реализует обозначенную Правительством надежду на выход из тупика.

Что могло бы стать не полумерой? Это, безусловно, только государственные инвестиции на строительство ЦБК, хотя бы в виде долевого участия. При Б.Н. Ельцине допускалось участие государства в федеральных программах не менее 20 %; а ныне для начала – перелома положения дел на этом самом ответственном участке – потребуется больше. Тогда вкупе с государством рискнут принять участие и представители частного сектора, да и зарубежные партнеры постараются не упустить свою долю. Об источниках государственных субсидий говорить здесь вряд ли стоит. Мы ежегодно теряем немало даже на стабилизационном фонде за счет его обесценивания. Но есть и другие не используемые должным образом источники, включая пенсионный фонд, средства Сбербанка и даже коммерческих банков, которые пока федеральной властью не привлечены к стратегическим направлениям развития национальной экономики. Тут был бы полезен опыт Китая, а раньше Финляндии, правительства которых сумели объединить всех партнеров на стратегических направлениях.

Вся беда нынешнего положения дел не только в лесном, но и в других секторах экономики – это недопустимая для переходного периода весьма пассивная роль федеральной исполнительной власти, которая так и не сумела обеспечить должное регулирование рыночной экономики, далекой от цивилизованных форм, организовать партнерство государства, бизнеса и общества и стать координатором их действий на ключевых направлениях.

В лесном секторе, который из-за непродуманных реформ отброшен к 30-м гг. XX столетия, роль федеральной власти для подъема его на данном этапе исключительно велика и ответственна. О каком инвестиционном климате и приоритете внутреннего рынка можно говорить, если из-за низкой платежеспособности абсолютного большинства населения он свернут до недопустимого минимума. И разве стихийно может подняться платежеспособность, если оплата труда наемной рабочей силы, по данным ряда источников, по доле в ВВП в 2-3 раза ниже, чем в промышленно развитых странах. При этом роль Правительства как арбитра и участника трудовых соглашений между работодателями и наемной рабочей силой сведена до незначимого уровня. Примечательно высказывание президента Союза лесопромышленников и лесозэкспортеров М. В. Тацюна (Лесн. газета. – 2006. – 12 сент.), что у нас пока нет внутреннего рынка для доступного большинства населения деревянного домостроения. Все, чем мы здесь занимались, до сих пор относится только к дорогому, элитному домостроению.

Поэтому развязка узла всех проблем должна начинаться именно с такого ключевого звена – корректировки уровня оплаты труда по отношению к ВВП, начиная с установления почасового стандарта оплаты труда, обязательного для всех хозяйствующих субъектов, как это уже озвучил председатель Совета Федерации С.М. Миронов.

Есть смысл напомнить, что 9/10 лесов страны, находящихся в многолесных регионах, ориентированы в основном на внешних потребителей, сотрудничество с которыми никак не обойдется без организующего и координирующего участия федеральной власти. Либерализм во внешней торгов-

ле и привел к такому широкому, в том числе теневому, потоку торговли круглым лесом, что вынужден был вмешаться даже Президент России В.В. Путин. Между тем международное сотрудничество в области лесного сектора давно можно было бы отрегулировать через двухсторонние межгосударственные соглашения (как это активно делается с участием Президента в области энергетических ресурсов). Непременным условием их реализации является строительство с участием зарубежных партнеров предприятий по глубокой переработке на территории России, а не соседних государств (как в примере с Китаем и Финляндией), которые перерабатывают наш круглый лес и нас же упрекают в зависимости российских поставщиков от их экстремальных ситуаций (как было в Финляндии в связи с забастовкой работников на ЦБК). В развитие этих межгосударственных соглашений можно было бы разработать совместные на двухсторонней основе долгосрочные программы с обоснованием точек приложения капитала во взаимных интересах. Но таких инициатив наше Правительство не проявляет.

Отечественные либеральные реформаторы лишь на словах призывают к стратегическому планированию, ограничиваясь в основном краткосрочным. По этой причине в России до сих пор нет ни стратегической лесной политики, ни основанной на ней долгосрочной программы ни на федеральном уровне, ни в тех крупных федеральных округах, где с помощью федеральной власти и глав администрации субъектов РФ должны формироваться полноценные региональные рынки.

В принятом новом Лесном кодексе с федеральной власти снята ответственность за стратегию развития лесного сектора экономики и разработки федеральных программ, что лишь усугубит положение лесных дел в стране. Ведь в перспективе именно федеральная власть должна помочь исправить перекосы в развитии и размещении лесного сектора. Декларативно, на словах, приоритет отдается интенсивному пути развития, но предлагаемые меры относятся, наоборот, к экстенсивному. Казалось бы, прежде чем предлагать осваивать безлюдные резервные леса, как это следует из названия ФЦП, предложенной Правительством, надо бы вернуться к эпицентру внутреннего лесопотребления, освоению здесь неиспользуемых резервов древесного сырья, создавая стимулы для переработки более доступными средствами, используя даже существующие корпорации, которые могли бы через создание дочерних предприятий организовать переработку низкокачественной древесины на картон, санитарную и другие виды бумаг, которые мы ввозим из-за рубежа, ежегодно тратя до 2 млрд долл.

В соответствии с Федеральным законом № 199 от 31.12.2005 г. и новым Лесным кодексом, ответственность федерального центра за управление лесами и развитие лесного сектора по существу целиком переложена на губернаторов. Но надо полагать, что компетентные в лесных делах главы субъектов РФ отдают себе отчет, что свалившиеся на их плечи все лесные проблемы своими только силами они не решат. Имеется в виду восстановление, а вернее, заново создание лесного машиностроения, строительство транзитных лесных магистралей, а тем более конкурентоспособных круп-

ных ЦБК, громадные инвестиции на которые не имеют административных границ, восстановление напрочь разрушенной отраслевой науки ЛПК, которая любому губернатору не по карману, а без нее ни о каких инновациях и конкурентоспособности лесного сектора экономики говорить не приходится.

В последних вариантах кодекса проскальзывает ограничение планирования лесными планами в рамках субъекта РФ. При подходе же от общего к частному стратегическое планирование выстраивается в виде системы планов или программ, начиная с государственной лесной политики, долгосрочных программ по всему комплексу лесных отраслей на федеральном уровне, по крупным экономическим регионам или федеральным округам и только потом на уровне отдельных субъектов РФ. И только в рамках такой системы можно рассматривать лесохозяйственные планы, как и планы других лесных отраслей по тем или иным территориальным единицам и хозяйствующим субъектам. Предметом федеральной программы, а в ее рамках по федеральным округам должны быть проблемы, решение которых каждому отдельному субъекту не по силам. К числу таких проблем и относятся названные выше.

XXI столетие называют веком инноваций. Призыв к инновационной экономике звучит из уст политиков. Но о каких инновациях в лесном секторе экономики может идти речь, если отраслевая наука ЛПК по существу разрушена ее акционированием и приватизацией. Теперь остатки отраслевой науки сохраняются лишь в лесных вузах страны. Но эта ее часть может проявить себя при государственной поддержке и исключении тех недуманных реформ, которые уже прошли по отраслевой науке ЛПК.

В последнем варианте проекта нового Лесного кодекса по-прежнему сохраняется заявительный порядок, отсутствие ясности со структурой государственного управления лесами, сведение аренды к аукциону, отсутствие экономического механизма управления лесами, отсылочный характер многих статей принципиального значения, а по ряду из них подмена лесного законодательства земельным.

Наиболее опасной новацией является замена существовавшего во все времена разрешительного порядка пользования лесом заявительным, что лишь расширит и без того беспрецедентный масштаб лесонарушений. Тем более, что это сопровождается ослаблением всех уровней государственного управления лесами. Чего стоит только упразднение функций лесной охраны для местных органов управления лесами и отсутствие государственного контроля за ними уже на протяжении двух лет. Надзорная служба до сих пор не сформирована, да и сама по себе она никогда не будет равноценна той, которую пробуют заменить.

При передаче управления федеральными лесами субъектам РФ было бы целесообразно главам администраций сохранить за местными органами управления лесами функции государственного контроля, а за надзорной службой – лишь надзор за качеством исполнения ими этих функций.

Следует вернуться и к экономическому механизму управления лесами. Во-первых, пока нет ясности, как будет финансироваться лесное хозяйство, независимо от того, кто его ведет. Решение этого вопроса через субвенции будет постоянно давать «сбой», что наглядно видно на примере финансирования средств по предупреждению и тушению лесных пожаров и лесовосстановлению. Из федерального центра невозможно предугадать и планировать средства по этим и другим мероприятиям, которые зависят от комбинации многих факторов и которые полнее учесть можно только на региональном и местном уровнях. Речь о субвенциях может идти только по отношению к инвестициям, если федеральный центр имеет политическую волю и финансовую возможность направлять эти средства на осуществление тех или иных мероприятий, например на сооружение инфраструктурных объектов (противопожарное обустройство лесов, приобретение более эффективного оборудования по обнаружению и борьбе с лесными пожарами, строительство лесных дорог, участие в организации переработки как «самого узкого места» в лесном секторе и т. п.). Но что касается текущего финансирования лесного хозяйства, то тут ничего нового не надо придумывать, а использовать известные по другим странам цивилизованные формы платежей за лесные ресурсы на основе рентного подхода и рациональное их распределение по финансовым потокам. При этом в составе платежей, как мы и другие авторы не раз писали, должны быть две части, одна из которых в виде минимальной платы будет обеспечивать воспроизводство используемых ресурсов и оставаться у территориальных органов управления лесами (и у арендаторов, когда на них возложено лесное хозяйство), а другая – в виде дифференциального дохода идти в бюджет и распределяться между разными его уровнями по законодательному соглашению. Это обеспечит баланс экономических интересов всех субъектов лесных отношений и станет способствовать полноте и рациональности использования лесных ресурсов.

Нельзя ограничиваться и одной только формой аренды, которую предписывают составители нового Лесного кодекса. В Канаде, опыт которой используется в России, применяется несколько десятков форм лесопользования в зависимости от характера договорных отношений между государством и бизнесом и конкретных условий в каждом отдельном случае. Члены экспертной группы в Госдуме предлагали различные формы аренды, в том числе кратко- и долгосрочные, первые из которых могли бы решаться через аукционы, а вторые по конкурсу на основе инвестиционных соглашений. После встречи с Президентом в Сыктывкаре составители кодекса согласились на вторую форму, но не предложили стимулов для ее реализации.

Наконец, следует упомянуть и о подмене составителями нового кодекса лесных отношений земельными, что не просто обесценивает значение лесного законодательства, но и подготавливает базу для масштабного разгосударствления лесов, в том числе приватизации, что и было в начальных вариантах главным замыслом составителей. Эта подмена совершается на основе замены объекта лесных отношений, которым по существующему ко-

дексу выступают лесной фонд РФ и участки лесного фонда (статья 6), объектом земельных отношений в виде земельного участка из состава земель лесного фонда, что облегчает в последующем перевод земель из лесного фонда под другие виды землепользования, руководствуясь уже не лесным, а земельным и гражданским законодательством. В Федеральном законе о введении нового Лесного кодекса предложено в земельном и гражданском кодексах слово «лес» убрать из категории недвижимости, что в последующем облегчит задуманную составителями нового кодекса широкомасштабную приватизацию лесов. Партия «большинства» в Госдуме пропустила все перечисленные новации, как и Совет Федерации, мнение членов которого было далеко не однозначным. При этом всякого рода общественные, в том числе и Парламентские слушания, как показала практика, сколько-нибудь значимого корректирующего влияния не оказали. Не учтено было и обращение Общественной палаты, созданной по инициативе Президента. Решающее влияние на принятие кодекса имел административный ресурс исполнительной власти.

Согласно Федеральному закону о введении в действие Лесного кодекса РФ Правительство до 01.07.2007 г. должно издать все нормативно правовые акты (около полусотни), обеспечивающие реализацию основных положений кодекса. От качества и согласованности этих актов будет в незначительной степени зависеть возможность исправления многих противоречий и недостатков нового Лесного кодекса, хотя принципиальная основа его, разумеется, остается в силе до возможных корректировок в процессе его апробации, что имело место и с кодексом 1997 г.

2007 г. явится переломным для лесного сектора экономики в связи с его адаптацией к принципиально иным лесным отношениям, обусловленным новым Лесным кодексом. При этом упорядочение положения лесных дел в стране в значительной мере будет зависеть от успеха решения двух важных проблем: 1) сохранение и укрепление федерального органа управления лесами и создание достаточно надежной структуры территориальных органов лесопользования в составе субъектов РФ с учетом переданных им полномочий; 2) разработка и принятие на государственном уровне эффективной федеральной целевой программы по глубокой переработке древесины как ключевого направления для всего лесного сектора. Удовлетворительное решение названных проблем позволило бы облегчить положение лесного хозяйства и лесной промышленности в стране и создать предпосылки для их согласованного развития.

Московский государственный
университет леса

Поступила 19.12.06

N.A. Moiseev

Problems of Forest Sector and its Legislation Support

The main problems of forest sector of economics and RF forest legislation are set out; the main directions of their solution are provided taking into account the real situation and international experience.
